



Вглядитесь в эту фотокомпозицию, напоминающую старинный «семейный портрет в интерьере». Забавная толстуха мамаша, заносчивый отец семейства, до странности похожие друг на друга от-

прыски и родичи — и в каждом вы узнаете одного так хорошо знакомого вам человека — Игоря Владимировича Ильинского. Перед нами — его персонажи. Этот фотомонтаж, в сущности, веки

того пути, который прошел актер вместе с одиннадцатой музой, история обретения веры в ее возможности, а значит, и повышения требований к ее искусству.

Фотокомпозиция А. Маршани.

УВИДЕТЬ СЕБЯ ЗАНОВО

Насколько я знаю, Игорь Владимирович Ильинский принимал участие еще в первой студийной передаче телевидения, состоявшейся в 1938 году. С тех пор он сыграл десятки ролей на телевидении, и, по моему, он единственный из актеров, удостоенный Ленинской премии за телевизионные работы. Хотелось бы встретиться с Игорем Ильинским на страницах «Советской культуры» и узнать, что он думает о тех возможностях, которые предоставляет телеэкран актеру.

ТБИЛИСИ.

Н. МЕРКВЕЛАДЗЕ.

же размышляет от первого лица. Так, например, родились мои передачи «Ильинский о Зощенко», «Ильинский о Маршаке». Это не просто чтение, но и воспоминания, размышления. И вообще многие мои персонажи возникли именно в рамках телевизионного театра одного актера. Перевоплощение в ряде случаев совсем не обязательно, однако очень важны нюансы характеристик, которые позволяют ненавязчиво обозначить свою позицию, сохраняя верность автору. Вечную ценность любви двух одиноких стариков я старался выделить в «Старосветских помещиках», мысль о потребности женщины любить — в «Душечке». Эти вещи для меня — одни из самых дорогих, и, кстати сказать, преодолеть видимые мне недостатки моих прежних телевизионных работ помог сам голубой экран.

Когда я начинал у Мейерхольда, он учил актеров следить за собой, анализировать свои недостатки, однако только телеэкран дал нам прямую возможность наблюдать себя «со стороны».

Более того, телевидение помогло мне осмыслить и многие мои театральные работы. Делая, например, для третьей программы передачу о сценической истории «Ревизора», я как бы заново оглядел и свой творческий путь в пьесе, которую играл практически всю жизнь: был и Хлестаковым, и Городничим, и режиссером бессмертной комедии. И вот просматривая старые пленки, я понимал, что где-то ошибался, где-то был неточен, а это, естественно, помогает работе над новыми ролями.

Смена обстановки, общение с малознакомыми партнерами, новыми режиссерами, возможность попробовать себя в непривычных ролях — все это только обогащает художника сцены. В телефильме «Эти разные, разные лица» я сыграл сразу двадцать четыре роли — подобное возможно только на телевидении, которое небывалым образом перетасовало все актерские амплуа, широко открыло двери эксперименту. Это были не просто роли, а чеховские роли. Актера же прежде всего обогащает сам литературный материал, и, я думаю, человек, которому посчастливилось сыграть Чехова, уже и на жизнь, и на свое искусство смотрит несколько иначе. Не секрет, что в театре далеко не каждому актеру выпадает счастье работать с большой литературой, заниматься широким и много-

плановым творческим поиском.

Да, телевидение предоставляет уникальные возможности для обогащения творческой индивидуальности актера, но телекамера — и самый строгий контролер. Оглядываясь на тот путь, который я прошел вместе с одиннадцатой музой, я могу сказать, что требования к актеру на телевидении возросли необычайно, и, к сожалению, далеко не все исполнители это осознают. Я думаю, именно поэтому сейчас так остро стоит проблема актера на телевидении.

Действительно, многие просто привыкли эксплуатировать свою популярность. Дело доходит до того, что просто не желают работать с режиссерами, считая, что сами все понимают, что учить их нечему. Это глобальная ошибка. Любкой квалифицированный режиссер многое может дать исполнителю. И у меня были такие случаи, когда мне казалось, что все нормально, и я не понимал, чего же еще от меня хочет режиссер. «Ну еще немножко, еще чуть-чуть в эту сторону», — говорил он мне. И я делал это «чуть-чуть» и вдруг видел, как все оживало. Актер на телевидении должен работать с полной отдачей, а равнодушие и зазнайство здесь так же губительны, как в театре.

Конечно, прекрасно, что телеэкран дарит театальному актеру много дополнительных возможностей, но все ли разумно это используют? Сейчас, например, многих драматических артистов захватила стихия пения. Поют в фильмах, в спектаклях, в «Театральной гостинице», и даже появилась специальная передача «Поют драматические артисты». Это, мол, любительское пение, и никаких претензий к нам не предъявляйте. Но, с другой стороны, если подобное становится своего рода жанром, то делать это нужно профессионально, а то не ровен час — и легкие лавры любительского пения настолько окрылят актера, что и играть он тоже будет, как любитель. И, к сожалению, похожие друг на друга гусары с гитарой в руках уже то и дело появляются на малом экране, который порой захлестывает чуждый стиль полупрофессиональной эстрады. На мой взгляд, в телевизионных «Бенефисах» скомпрометированы некоторые наши прекрасные актрисы. Художественная невзыскательность становится чуть ли не тенденцией этих программ. А ведь в искусстве очень опасно, когда художник демонстрирует себя. Как внушить ар-

тистам, что им этого не нужно (боюсь, иные режиссеры, напротив, убеждают, что нужно!), что это стиль, чуждый телевидению.

Всем этим я обеспокоен и потому, что излишне вольный стиль поведения в кадре уже выходит за пределы эстрадных программ, проникает в телефильмы и телеспектакли по классике! Вот недавний пример — «Манон Леско». Ведь здесь ненужная нескромность, экстравагантность привели к тому, что и чувства героев обесценились, и сами актеры, увлеченные внешней демонстрацией, как-то забыли о внутренней наполненности образов. А тогда исчезла и прелесть вечного романа Прелюдии.

Не ведет ли все это к амортизации самой души актера? Я с горечью смотрю, когда многие наши прославленные мастера появляются на телеэкране с печатью благополучия и самоуспоения на лицах. Особенно это относится к передаче «Театральная гостиница», в которой появился налет светской салонности. Казалось бы, здесь есть редкая возможность поделиться с миллионами людей наболевшим, здесь бы и родиться творческому спору, поднять подлинные проблемы современного искусства — но нет! Многим почему-то доставляет удовольствие попросту сыграть роль прославленного артиста. Не это ли рождает у молодежи вредную иллюзию, что путь в искусстве усыпан розами?

А как часто на телевидении мы сталкиваемся с откровенно слабой, бесконфликтной драматургией. Я не склонен осуждать актера, который все-таки соглашается на малоинтересные роли, ведь каждый надеется вытиснуть, найти что-то свое. Нужно учиться и боязнь так и не дожидаться своего «звездного» часа. Может быть, заметят в средней роли — потому что предлагают что-то лучшее. Но меня удивляет, когда популярные уже артисты соглашаются на откровенную халтуру, когда они не опасаются постоянно мелькать на экране. Тогда телевидение действительно может затиражировать и тем самым оказать плохую услугу.

Актер — зеркало своего времени, поэтому к нему так требовательны, так взыскательны. Актер на телеэкране — это ответственность вдвойне, ведь сегодня телевидение — не просто средство информации, но и самое мощное средство эстетического воспитания. Об этом нельзя забывать. И актер, оказавшись на очень короткой дистанции со зрителем, должен почаше задумываться, какое искусство он несет, какими мыслями делится со своим многомиллионным собеседником по ту сторону экрана.

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда.

СО ВРЕМЕНЕМ я все больше убеждаюсь, что подлинное искусство весьма далеко от сенсации. Новинка, конечно, восхищает, но и принимается довольно легкомысленно. Когда появилась запись голоса, даже Лев Толстой записал одну-две беседы с детьми, но относился он к граммофону несерьезно: просто было интересно себя послушать. Да и кому бы тогда пришлось в голову, что это забавное изобретение не только на века сохранит творчество выдающихся мастеров слова, но и породит новый жанр исполнительского искусства. Когда я сам впервые записал на радио отрывок из «Леса», то, слушая все это потом, удивлялся: неужели я такой плохой актер? Наверное, у каждого вида искусства свои средства к достижению одной и той же цели — правды жизни.

Вот и на телевидение я пришел сначала вроде бы для пробы. С тех пор как существует кино, актеров делят на театральных и кинематографических. А кто назовет актеров телевизионных? Конечно, есть разница в условиях работы актера в телевидении и в театре, но никакие актерские амплуа не противопоставлены малому экрану — все искупает талант. И все-таки именно проблема телевизионного актера обсуждается сейчас особенно охотно. Одни говорят о том, что телевидение безгранично расширяет возможности мастерства, диапазон таланта, другие — о том, что массовое тиражирование пагубно влияет на личность актера.

Конечно, все можно обратить в свою противоположность, однако сегодня искусство телевидения — это поистине искусство для масс, и привлекать сюда мастеров сцены и кино просто необходимо. А сколько актеров открыло телевидение, скольким подарило всенародное признание! Можно, например, насчитать не так много зрителей за пределами Грузии, знавших О. Мервинетухуеси до демонстрации по Центральному телевидению фильма «Берега» по роману «Дата Туташиа». А признание для актера — это совсем не вопрос тщеславия. Популярность не только вселяет уверенность в актера, улучшает его самочувствие на сцене, но и утверждает право на новые роли — ведь не секрет, что режиссеры не любят покупать kota в мешке.

Телекамера оттачивает мастерство — она делает выразительным каждый жест, взгляд, сейчас же обнаруживает фальшь, внутреннюю пустоту. То, что хорошо для сцены, для эстрады, тут может оказаться грубым, превеличенным. С эстрады я читаю давно, но на телевидении пришлось отыскивать новые приемы — чтение здесь сродни собеседованию один на один со зрителем. Но в то же время помнишь — перед тобой миллионы, и это необычайно повышает ответственность. Телевидение — не повторение, а продолжение сцены и кинематографа.

Сегодняшний актер — человек думающий, жаждущий высказаться, и телевидение больше всего дает возможность для своего рода авторских передач, где актер, оставаясь исполнителем, все